

Л. УТМЫШ

НИКАХ

*Эпизоды бытия***Эпизод 1. КРИК В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ, или НИКАХ***Памяти отца*

Пронзительное «помогите, убивают!» прервало сон округи. Лето выдалось душное, только вечерами наступала долгожданная прохлада, распахивались окна, так что визгливые крики слышали многие жители квартала. Одно дело, сидя на удобном диване, переживать, когда угрожают человеку в кино, другое дело — слышать реальный вопль. Страшно. Страшнее становилось от того, что это был не заблудившийся в пространстве одиночный крик, он повторялся: «Помогите, убивают!»

Помочь или пусть убивают, народ решал минут десять. Никто не высунулся на улицу. Потом все стихло. Народ все равно не мог уснуть, теперь из-за любопытства, гадали, кого, за что убивали, убили ли, не дай Бог, придется показания давать. Утром соседи разъезжались, не смотря по сторонам, не приветствуя друг друга. Стыдноватенько было.

Если соседи испытали «просто ужас», тетя Рая и Ниса — смертельный ужас. Тетя Рая не пускала дядю Борю на улицу, который, услышав вопли, начал одеваться. Встала вратарем в проёме: «Не пущу! Пусть молодые разбираются. Прибьют». — «Пошла! Чтобы я на своей улице кого-то боялся?! — дядя Боря отодвинул жену, ушел в ночь — Посмотрю, что творится».

Рослый дядя Боря, запрокидывающий на спину тяжеленные мешки, неподъемные для молодых качков, не умеет бояться. Выходит рубаха-парень в почтенных годах на улицу, попадает в реалити-шоу. Соседка Ниса мечется от одного ворот к другим; стучится, не открывают, бежит к следующим. Женщина пересекает улицу, как бывалый разведчик, короткими перебежками на полусогнутых, зигзагом: слева направо, справа налево. За ней ровно посередине, словно по сплошной двойной, шагает её муж в полный рост, с охотничьим ружьем наперевес. Время от времени останавливается, скидывает с плеча ружье, берет на мушку жену, степенно трубит: «Дашь согласие? Нет? Убью». Она: «Вай дод, убивают, люди добрые, помогите», — и в очередной зигзаг.

Занятная ночка случилась, прям детектив со стрельбой. Дядя Боря дошёл до «охотника», отвел ствол: «Толик, брось дурака валять, соседей разбудишь». Охотник подчинился старику, повесил ружье на плечо. «Не смешите народ, и собаки лают. Толик, иди домой, ты — к нам», — скомандовал дядя Боря и под личным конвоем повёл женщину к себе.

Тетя Рая со словами «слава Богу, живой» встретила дядю Борю и Нису. Троица уселась за кухонным столом. Ниса всхлипывала и икала, всхлипывала и икала. «Хватит, не то сам убью», — рыкнул старик и хрясть по столу кулаком. Чашки зазвенели. Ниса екнула, перестала икать, взяла минутную паузу, потом опять начала всхлипывать, уже беззвучно, дергаясь плечами вверх вниз, вверх вниз. «Ты что пугаешь! — возмутилась тетя Рая, не привыкшая к резким звукам. — И так страху натерпелись». — «Не болтай, лучше принеси воды, капель своих вонючих».

Теть Рая налила воды в бокал, не накапала, налила капель. Ниса бокал пахучей жидкости выдула в один приём. «Повторить», — приказал дядя Боря. Он самолично влил чуть ли не полфлакона корвалола в бокал, заполнил до краев водой, подал Нисе. Она отпила немного, отставила. Дядя Боря взял бокал, тянул содержимое, вытер кулаком губы, как будто водочки холодненькой выпил. Он давно не прикасался к спиртному; хотел, но не мог пить, рвало от запаха, однако ритуал руки помнили.

Ниса начала всхлипывать тише и реже, тетя Рая говорить выше и громче. Наконец Ниса прекращает реветь, и полуночная компания приступила к чаю. За чаем Ниса рассказала, откуда растут ноги её истории. «Несколько раз просил: «Дай согласие, она никах¹ хочет, чтоб ребёнок родился благословенным». После ужина опять завёлся. Ругались два часа. Вышел из спальни, думала, скандал кончился, переоделась в ночнушку. Входит с ружьем: «Дай согласие, не дашь, убью». Крикнула ему в лицо: «Нет». Выстрелил в подушку. Схватила халат, бросилась на улицу. Он — за мной».

¹ Исламский обряд бракосочетания.

«Ниса, если бы Толик хотел убить, в тебя бы ружье направил, соображать надо, — дядь Боря не смог усидеть. Вскочил, говорил стоя, помогая себе руками. — Хотел припугнуть. Какое-такое согласие просил? Что за никах? Я у Раи никогда ни на что согласие не спрашиваю, — заблуждается простоватый дед, да ну ладно. — Если дело нужное, что, трудно дать согласие? Честное слово, помирать скоро, а ведете себя, как малолетки». Ниса в ответ мелко и часто закивала головой: повинную голову не секут. Градус возмущения дядь Бори пошел вниз.

Выпустив пар негодования, сел за стол, распустил уши. Теперь говорили женщины, диалогом, не спеша, вполголоса. Для него было полной неожиданностью узнать, что у Толика есть любовница и она на сносях. Новость старик заливал чаем. Чай попросился наружу. Дядя Боря вышел во двор освежиться сигаретами. После перекура сообщил женщинам, что пойдет разведать: «Схожу к Толику. Если в порядке, поведу Нису домой, пока соседи не видят. Пусть думают, ночью молодежь баловалась». — «Возьми хотя бы молоток, мало ли что», — напутствовала супруга тетя Рая. «С ума сошла, что ли, на пару с Толиком? Отставить панику!» — нахлобучив кепку, вышел в неизвестность. Немного погода бывалый в различных жизненных передрягах старик донес, что потерпевшую ждут.

Дом Толика наискосок через дорогу вправо на два дома от дома дяди Бори. Тетя Рая накинула шаль на соседку, вывела Нису на улицу за руку. Из противоположных ворот вышли дядя Боря и Толик. Обе пары сошлись на середине дороги, остановились, обменялись супругами, мужчины пожалы друг другу руки. Обмен прошел при полной луне и ярких звездах — в самой, что ни на есть, романтично-шпионской обстановке. Обменивались супругами мужчины в торжественном безмолвии. Напоследок дядя Боря крикнул: «Своди жену к врачу. Трясетя, как суслик. Не дай Бог, кондрашка стукнет».

Как в воду глядел. После шестимесячного круиза по больницам района, клиникам близлежащих городов Ниса вернулась домой с инвалидностью по сердцу. Вскоре округу облетела весть, Толик продал дом, купил побольше и подальше, где их семью не знают.

Всполошивший всех ночной инцидент стал забываться. Напомнил о нём сам Толик. Поздней осенью постучался к дяде Боре. Хозяин встретил гостя радушно, принято у него в семье так встречать визитеров. Толик пришел не с пустыми руками, выложил на стол бутылку водки, лимоны, гранаты, орехи. Бутылка была красивой и дорогой, намерения искренними и исключительными, раз непьющий Толик водку захватил. Старик достал хрустальные стопки, банку соленых огурцов фирменной засолки, тарелки с гречкой по-флотски.

Толик разлил водку по рюмкам. Мужчины чокнулись. Толик опрокинул стопку махом, дядя Боря чокнулся, отставил.

— Борис ака, не хотел убивать. Напугать только, — начал он без предисловий.

— Знаю. Ниса тоже знала, не выстрелишь.

— Почему тогда не дала согласие? Хотя бы понарошку. Знала ведь, для понта угрожаю. А если б я нечаянно нажал на курок? Спасибо, от греха отвели. Помнить буду, пока жив буду.

Дядя Боря пожал плечами, что, мол, с женщин возьмешь. Он неумело попытался отвлечь разгневанного соседа, продвигая ему тарелку с гречкой: «Ешь, закусывай». Толик не ел. Он мог только говорить, только о ней, о Нисе.

— Ах эта Ниса! Лиса эта Ниса! Уверена была, змея, не убью, издевалась. Не женщина, настоящая змея. Гадюка! Глаза сузила, щеки раздула, вены на шее набухли, как у гадюки, шипит. До сих пор перед глазами стоит, как смотрела на меня. Как будто не я, она хотела меня убить.

— Шея у кобры раздувается.

— Какая разница? Гадюка есть гадюка, притворяется только коброй снаружи. Не женщина, бетон. Знаете, как кричит?! Будто я режу её живьем, — Толик налил себе, залпом опорожнил рюмку, закусывая запахом лимона. — Достала принципиальностью, истинная дочь секретаря райкома. Я без отца рос, денег на нормальной девушке жениться по нашим законам много надо, свадьба, приданое, подарки родственникам. Вести невесту некуда было, наш дом был совсем плохой, маленький. Еёшний отец из нашего кишлака, с мамой в одном классе учился, помог устроиться на работу в районе. Я выполнял его поручения, часто заходил к ним домой по делам. Ниса мигом накрывала стол, обхаживала, как высокого гостя. Однажды еёшний папаша сказал: «Таджиутдин, женишься на Хайернисо честь по чести, свадьба за мой счет, никто не догадается, жильё служебное выбью». Я язык проглотил, головой мотнул. Никогда не перечил хозяину. Он ведь был большой шишка, секретарь райкома. Две недели не спал, к ним не заходил, не знал, как быть. Мама велела жениться, чтоб легче жилось. Женился, свадьба красивая была. Дурак. Надо было потерпеть, время тянуть. Через

месяц СССР развалился. Тестя сняли. Самостоятельно выживал. Возил сюда укроп, цветы, постельное белье. Надоело мотаться, дом купил, гражданство оформил, ларьки открыл. Сын здесь вырос, Хайернисо больше не родила. Сын в меня, только светлее, как зрелая пшеница.

— Да знаю я твоего сына. Не увиливай. Сам кашу заварил, сам и расхлебывай. Так на роду у мужиков написано.

— Не думал, что будет пытка. Вы её видели? Сейчас на женщину больше похожа, чем в молодости. Молодой она была. Она была... — Толик задумался в поисках сравнения, — как тыква. Шеи нет, от туловища сразу голова идет; не брови, засохшая трава, глаза и те желтые; не ходит, с одной ноги на другую перекатывается. Танцевать не умеет.

Толик мужчина колоритный, высокий и широкоплечий, с запоминающимся лицом: четко очерченные смоляные брови нависают над антрацитными глазами, волосы без единой седины по стойке «смирно» вверх растут. Толик знает, жена любит выходить в свет вместе с ним. Невзначай рассматривает, кто задерживает взгляд на ее муже. И ей перепадает толика внимания, скорее, недоумения: что делает невзрачный колобок рядом с импозантным мужчиной?

— А я люблю танцевать наши танцы. Все думают, Ниса из скромности не танцует. На самом деле, не умеет. А на меня молодые девушки заглядываются, когда вступаю в танец. Градус мало-помалу набираешь, тело играет, руки-ноги без приказа головы танцуют. Обязательно напарница нужна разогреться. В позапрошлый Навруз земляки на корпоратив пригласили. Музыка громко включили. Встал в круг, она присоединилась.

Дядя Боря налил водочки в рюмку Толика. Толик выпил.

— Хорошая напарница понимает без слов. Глаз своих от твоих не отрывает, угадывает, что собираешься делать. Под тебя двигается, ты под неё. Она отлично танцует, поет. А какие у неё густые ресницы?! Какие длинные пальцы?! Постоянно танцуют.

— Скажешь тоже, «танцуют», — усмехнулся старик, он выковыривал зерна из мякоти граната. Они, зерна, не поддавались. — Слова-то такие про женщин я не помню уже. Ты молодой ещё, не перебродил.

— Да, наверное. Глаза блестят, зубы блестят, волосы...

— Понятно: блестят. Подлить?

Гость опрокинул ещё одну рюмку.

— Я любил смотреть, как она перед сном их расчесывает. Какие у неё волосы?! С Навруза ночевал у неё. Сына забрали в армию, никто не мешал.

— Ниса не учуяла? У них нюх на «левые» походы крепко настроен.

— Мало волновало, что она думает. Спать с Нисой — работа, с ней — удовольствие. В женщинах разница есть. Спасибо Всевышнему, дал шанс узнать. Мне она подарок свыше за долготерпение. С Нисой давно спим в разных комнатах. Как сын женился, я отделился.

Выпивший прилично Толик нить повествования не терял. Для внушительных габаритов и по причине многолетнего воздержания от сигарет и алкоголя — водка не пьянила гостя.

— Прошел год. Она сообщает, что беременная, будет рожать, буду я помогать, не буду, лишь одно условие — никах. Пусть мулла благословит наш союз, боюсь, сказала, если ребёнок родится без никаха. У нас внебрачный ребенок считается неблагословенным и, мы верим так, будет несчастливим. Я не отказываюсь от ребенка. Она никах хотела.

— «Она», «она». У нее есть имя?

— Есть. Не скажу, Боря ака¹. Не хочу, чтобы её вычислили.

— Ты не просто дурак, ты круглый дурак. Женщины давно вычислили, кто она. Их ЦРУ работает без осечек. Я только подумую, а ваша тетя Рая уже точно знает, о чём я начал думать. Сколько второй-то лет?

— Сорок. В самом соку.

— Детский сад. В сорок — свадьба?

— Никах не свадьба, обязанность мужчины и женщины, если спят вместе. Тайный никах без согласия первой жены и без свидетелей не считается законным.

— Ишь, как умно закручено! Если первая жена не согласна, никах не считается?

— Да. Она не за себя боится, за ребенка. Я тоже Бога боюсь, стараюсь не нарушать правила. Первая, гадюка, не хочет уступать. Эгоистка. Ни по-хорошему, ни по-плохому навстречу не пошла. Что, жалко? Никах не загс, никаких официальных прав второй жене и ребёнку не дает. После той ночи я больше не просил Нису. Пусть будет по-еёшнему.

¹ Узбекское обращение к старшим: брат.

— Разведись с Нисой, женись законно на второй. Хотя «пилотка» у всех них вдоль, не поперек, — дядя Боря не стесняется в выражениях, — не стоит проверять.

— Не могу, Всевышний накажет, Боря ака. Я взял обязательство заботиться о Нисе, когда нам читали никах. Тем более, не могу оставить сейчас, больную, Всевышний накажет. Это мать моего единственного сына. Ниса ни разу за тридцать лет не дала повода для развода. Долго думал, решил: сварить яйцо легче, чем курицу. Как Ниса заболела, перестал бывать у второй. Слышал, родила пацана. Лучше бы девочку.

— Ребёнок кругом не виноват. Пусть растёт здоровым! Поздно, дело сделано. Раньше надо было голову включать.

Чтобы вывести загрустившего соседа из задумчивости, дядя Боря наполнил стопки. Мужчины чокнулись. Дед отставил, Толик выпил. Он опустошил бутылку, не пьянея. Дядя Боря достал «Святой источник». В пластиковой пол-литровой таре «Святого источника» тетя Рая хранила самогон. Для лечебных целей травки настаивать. Боря ака наполнил до краев рюмку гостя. Тот опрокинул рюмку в себя, закусил огурцом, положил руки на стол, уронил голову на руки, всхрипнул и моментально уснул. «Святой источник» доконал мужика, он отключился минут на двадцать.

Проснувшегося соседу старик протянул рассол. Толик выдул рассол, сердечно распрощался с хозяином, ушел твердой походкой восвояси. А Боря ака заварил чифирь, пил его с медком, наедине с собой и своими думками.

После исповеди Толика обычно говорун дядя Боря замолчал. Обеспокоенная тетя Рая приставала с расспросами, не заболел ли. Старик игнорировал расспросы жены. Однако созрев, начал серьезный разговор:

— Давай я женюсь, а?

— Не поняла, что? — прозвучал грозный вопрос в ответ.

— Дай согласие. Хочу никах сделать с женщиной, ребенка её усыновить, — четко и кратко изложил суть дела дядя Боря.

— Как язык твой поганый повернулся такие слова на старости лет произнести? О детях подумал? Что соседи скажут?

— Я же не по-настоящему, я как бы как мусульманин. Нужно согласие первой жены, тайно от тебя не считается. Рая, ты же знаешь, я тебе никогда. Не собираюсь я жить с ней как с женой. У пацана прочерк в метрике, он кругом не виноват, внебрачный ребёнок по их законам не будет благословенным. Будь человеком, дай согласие.

— Не морочь голову, — тетя Рая закрутила разговор безапелляционно.

Дядя Боря возобновляет этот разговор время от времени. На вердикт жены «ни за что» бравый старик бросает неизменное: «эгоистка». По сей день перестреливаются.

Ребенок? Просто растёт.

Эпизод 2. РАСКОЛЬНИКОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Убийство двух и более лиц совершил Габитов. Для следственных органов дело прозрачное. Следов пребывания в доме посторонних нет, дворняга залаяла бы на чужака, соседи услышали бы, они никаких необычных звуков не слышали. Орудие преступления в доме, на топорище его отпечатки пальцев найдут, уверен. В поселке знают, его мама странная была, в психушке лечилась. Скорее всего, его тоже психом признают.

У вышки Габитов лежал с телефоном в кармане. Какой спрос с мертвого? Хотя возмездие свершилось, убийца найден мертвым, нужен живой подельник, чтобы наказать вместо Габитова. Народ решил, это я. Якобы я знал о его планах, не донёс. Когда вижу поселковых, понимаю, они меня делают финальным виноватым. Рано радуются, Герасим на всё согласен — не про меня.

Меня вызвали на допрос, что было ожидаемо: я сидел с Габитовым за одним столом. Мы сели рядом не потому, что мы друзья. Кроме нас, никто толком не учился в классе, а мы учились, поэтому объединились.

— Как охарактеризуете одноклассника?

Дурацкую задачку выдвинул следователь. Обычным был, как все. А дядька ждал, я про его странности расскажу. Ответил, как он, вежливо:

— Обыкновенный отличник, много читал. Его тащили, каждый к себе, историк и учительница по литературе, на олимпиаду выставить, — я хорошо подготовился к допросу, «обыкновенный отличник» слетело заученно. — Он выбрал историю. На московский этап отобрался. И по литературе настоящим спецом был. Спорил с учительницей на равных.

— Увлечения помимо учёбы? Сообщества?

Следователь формально отнесся к допросу. Я знал больше, чем он предполагал. Мой план — вывести следователя на топор — срывался. Пришлось действовать в открытую:

— Я знаю, почему Габитов применил топор, — я подставил Алёну Михайловну. Неприятно, с одной стороны. С другой стороны, надо было себя спасти. Чтобы не передумать, выдал заготовку. — В десятом классе, когда проходили «Преступление и наказание», Алёна Михайловна прочитала отрывок, почему Раскольников остановился на топоре, — я быстро отыскал на телефоне нужный эпизод. — Вот этот.

Следователь пробежал глазами текст. На него отрывок не произвёл впечатления. А мы тогда вспыхнули. Спор возник нешуточный. Алёна Михайловна напомнила про мужика с топором из сна Гринёва из «Капитанской дочки» по программе восьмого класса. Больше всех разгорячился Габитов. Доказал, мотив Робина Гуда — корысть: отнять у одних, отдать другим, себя не забыть. Нашим, говорил, за державу обидно, они искореняют зло любой ценой; в этом деле топор надёжнее стрел. Короче, топор роднее, поэтому зря «Преступление и наказание» в школе проходят, опасная книга.

— Габитов запал на роман. Алёна Михайловна свою книгу дала почитать Габитову, он попросил перед каникулами. Наверное, валяется на компьютерном столе.

Вещей у Габитова немного. Можно сказать, они бедно жили. Книги, призы за победы на предметных олимпиадах концентрировались вокруг его компьютерного стола. А так как он срежиссировал уход, то книгу, уверен, положил на видное место. Что книга принадлежит Алёне Михайловне, выяснить просто: на свои она проставляет личный экслибрис. Когда она объяснила, что такое экслибрис, мы два дня на всех уроках только тем и занимались, что придумывали личные экслибрисы.

Следователь информацию про книгу не оценил. При обыске, думаю, видел книгу, не придал значения. Пропустил мимо ушей мою гипотезу, что он перевоплотился в Раскольникова.

— Раньше у него проявлялись моменты агрессии?

Следователь не дал досказать до конца, почему Габитов скопировал Раскольникова. В нашей глуши достать огнестрельное оружие невозможно. Топор имеется в каждом доме. Чтоб наверняка, чтоб не мучились, подходит больше ножа и яда.

— Он из Москвы другим приехал, — нейтрально ответил я.

— Подробнее, — потребовал следователь.

— Непонятно — что, но что-то изменилось. Глаза бегать начали, — я не был готов к вопросу, из меня потекло само. — Он готовился несколько месяцев к олимпиаде, мозги перегрелись. Вставал в шесть, сразу за учебники, до восьми. Потом школа. После школы опять учебники. Сестрёнки шумят, мешают, мама со странностями. Учителя его уважали, пацаны и девочки с ним не дружили. Ему было плохо. Он в жизни разочаровался, теперь понимаю, и в этом он не виноват, что обиднее всего.

Следователь невнимательно слушал меня, он смотрел бумаги. Я взял передышку обдумать, как правильно сказать, что Габитов говорил мне, что хочет умереть. Я считал это бредятиной, всерьёз не прислушивался. Думал, съездил в Москву, зазвездился. А он, оказывается, реально хотел убиться. Говорил, деда, бабу жалко, мама от расстройства с ума сойдёт, если он умрёт. Поэтому убил всех за раз, потом сиганул с радиовышки.

Он пару раз мне об этом проговорился, и то вскользь. Если бы чаще, и не только мне, его бы наверняка в дурку направили. Сразу вспомнили бы, что его мама на учёте, приняли бы меры. Он умный, поэтому не трындел на эту тему много. Один случай я хорошо запомнил. На уроке химии учительница объясняла нам, что лекарство и яд — одно и то же, отличаются дозировкой. Привела в пример вещество, которое входит в крысиный яд, в микродозе разжижает кровь у людей. Габитов «проснулся», стукнул меня в плечо. А когда учительница сказала, что оно без цвета и запаха, если добавить в еду, то люди умрут от кровотечения, он засветился как лампочка. Я удивился, он редко улыбался в последние месяцы.

Он правильно не использовал крысиный яд. Собрать всех за столом одновременно трудно. Яд действует медленно, кто-то успел бы скорую вызвать. Взял топор, рубанул, гарантированно убил. У него получилось беззвучно. Никто не вскрикнул даже.

Про крысиный яд следователю я не сказал. Как сказать? Тем более следователю. Если бы я заикнулся учителям о настроении Габитова, о крысином яде, скорее всего, все живы бы остались. Может, и вышку демонтировали бы, давно не рабочая. Наверное, поэтому на меня, как на врага народа, поселковые смотрят. Неприятно, но, если честно, я немножко виноват.

— Почему не предупредили учителей?

— Мне бы не поверили, — он в 17 лет стучал бы на одноклассника? Подобрал слова, свалил всё на взрослых: — Сказали бы, это понты, Габитов зазвездился, не морочь голову, — через силу все-таки добавил: — Вместе с мамой, сестренками на небе оказаться — он в такое не верил. Он их... чтоб не плакали потом всю жизнь, что он один ушёл.

Когда семьи нет, жалеть некому. В чём-то он прав. Не уверен, понял ли следователь

меня, то есть мотив Габитова. На этом допрос закруглился, меня отпустили. Дома, уже вечером, папа сказал — от кого он узнал? — что рядом с Габитовым лежала записка: он убьет себя; дед, мама и так далее не смогут без него жить; чтоб они не страдали, он всех зарубил. Записка подтверждала мою версию. Следователь мог хотя бы намекнуть на совпадение. Ещё папа сказал, что последний дозвон Габитов сделал Смолякову и что Габитов лежал возле вышки на спине. Странно. Падают лицом вперед.

Кто помог слететь? Это мог быть только Смоляков, сосед Габитова. Они контактировали. Славику всего 14, выглядит на 20, уже выше меня. Кликуха его папы «Два без два» — без двух сантиметров два метра ростом. Я Славу подкараулил, «случайно» догнал, спросил начистоту:

— Привет. Будешь девять кончать или в 11-й пойдешь? — чтоб разговор начать, спросил. И сразу, без паузы спросил: — Тебе Габитов не передавал, — он стрельнул в меня ненавистью, — книгу? Надо учительнице вернуть.

— Нет, — быстро отреагировал Славик. — После 9-го на сварщика пойду.

— «Преступление и наказание». В 10-м проходим.

(Мы же не на допросе, говорили одновременно).

— Пересказывал своими словами.

— Почему сварщиком? — для усыпления бдительности я вставил.

— Нормально получают, общагу дают.

— Следователи вызывали?

— Про звонок спрашивали.

— Про книгу?

— Нет.

— Чё звонил?

— Сказал, что сделал.

— И всё?

— И всё, отбой дал. Думал, мама будит, а то бы не взял.

— Так и говори, мама с работы звонком будит, — тут я перешел к главному моменту:

— Почему на спине лежал?

Он посмотрел на меня, замолк. Я понял, разговор окончен. Свернул в переулок откровенно расслабленным. Не только меня можно подозревать. Есть ещё Славик. Ходит слух, он после дозвона бросился к соседям, увидел сестрёнок в крови, побежал к вышке. Габитов сидел там. Славка его толкнул. То ли Габитов попросил, то ли Слава сам решил, хотя следователи твердо сказали, что был суицид. Странно, но правда в любом варианте не нужна ни органам, ни поселковым. Габитов мертв, это устраивает всех.

Ясно, почему Габитов убил всех топором, топор имеется в каждом доме, его убойная сила значительно превосходит возможности ножа. Не надо прицеливаться, куда поглядел, туда и ткнул, достаточно дикого желания уничтожить поганый мир, ненужных людей. Есть один серьезный факт, который меня беспокоит: никто себя топором не зарубил еще. Кто хватается за топор, себя не убивает. Над этим фактом следователи не задумываются. И мне б не надо, но...

Эпизод 3. БАШКИРКА

Хотя внешне — вряд ли. Башкирки компактны по комплекции, ровно-смуглые, с сверкающими темными глазками, тяжелыми прямыми волосами, — словом, взгляните на дикторш уфимского телевидения, представите башкирок. Я другая: рост 176 см, размер L, просвечивающая, как обезжиренное молоко, синяя кожа. Стораю на солнце до жгучей красноты, вместо загара — о боже, за что? — покрываюсь конопушками. Русые, с рыжим отливом волосы. Глаза становятся прозрачнее и зеленее после слез. Увидев на похоронах матери сестер отца, пышногрудых, шумных теток с медными волосами, бутылочными глазами, взяла на заметку — гармонист делал дочу под копирку от сестер.

Мама, интеллигентная тихоня, засиделась в девках до 28 лет. В советскую эру внебрачные отношения считались непростительным грехом, вот и ждала приглашения в загс. Как-то летом поехала в деревню к подруге погостить. Вечером они отправились на дискотеку. В те времена с дискотеки молодежь расходилась по домам под гармонию. Гармонист на деревне — первый парень. Отец старательно наяривал, чтобы произвести впечатление на гостью из города. Мама не устояла перед очарованием отца, чубчик кучерявый у него был, влюбилась.

Я горластая в отца. Петь не пою, начну скандалить — затыкай уши, на весь квартал слышен зычный голосок. Зачали они меня с первого раза, поженились, когда выяснилось, мама понесла. Сыграли пышно по деревенским меркам свадьбу, дед раскошелился. Он же обменял трехкомнатную квартиру на две, выделил маме однушку,

чтобы мои родители жили, не тужили. По истечении двух медовых месяцев отец стал заявляться домой хорошо поддатым. Пьяным побивал беременную мной мамку, хотя трезвым был образцово-показательным мужем. К концу срока беременности рукоприкладство, ночные «концерты» вошли в привычку. После очередного деда, полковник в отставке, выгнал гармониста вон. Из роддома забирал он же. Увиделась с отцом впервые, когда мне исполнилось семнадцать лет.

Жили с мамой вдвоем. Мужчины, кроме деда и сантехника, не переступали порог нашей квартиры. С семи утра до семи вечера мама воспитывала чужих детей в детском садике. Мать надрывалась на полторы ставки, чтобы я ничем не отличалась, по нарядам и развлечениям, от детей в семьях с работающими отцами. В семь вечера возвращалась домой, но не одна, с двумя-тремя воспитанниками, про существование которых родители «забыли». Мне было с кем играть по вечерам.

Не помню горячих завтраков по утрам, помню записки: «разогрей кашу», «котлеты на обед», «макароны в холодильнике». Встану по будильнику, мамы уже нет, брожу полусонная в квартире одна, на столе записки, на стульчике отглаженная школьная форма. Очень рано заразилась духом свободы. От папы я не видела подарков, мама алиментов. Вот почему осознанно не признаю отцовские гены в себе, хотя они упорно проявляются. Мы с мамой настолько разные — маленькая смуглая женщина и крупный светлый ребенок, что меня принимали за её воспитанницу, а не за родную дочь.

Дочь-цветочек мама нарекла красивым именем Сескэ. Сверстники со двора трансформировали в Светку-конфетку. Представляюсь Сескэ¹, переспрашивают «как-как?», назову Светланой, вопросов нет. В Ташкенте знали как Светлану. Наверное, поэтому прожила не свою жизнь. Сейчас заполняю документы строго по паспорту. УФМС реабилитировал имя. Даже муж пару раз по телефону назвал Сескэ.

Мать не только отыскала редкое имя, но и привила вкус к красивой одежде, к национальной еде. Зря. Денег не хватает на красивую одежду, мучаюсь; не хочется носить, что по карману, приходится переделывать, шить, вязать из того, что под рукой, все пальцы истыканы иглами. С едой легче, самостоятельно научилась готовить национальные блюда. Замесить, раскатать, нарезать тонкий тукмас за полчаса — запросто, сколько ни вари, не разварится, а мои кыстыбышки подруги улетают за обе щеки с молниеносной быстротой.

Мои башкирские корни ограничиваются национальной кухней, но я не переживаю по этому поводу. Национальность не примета, диагноз. Если меня, как радистку из «17 мгновений весны» пытаются будут в гестапо, закричу во весь голос: «Башкирка я».

— По-русски кричать будешь? — улыбнулась Альфия. — Штирлиц разрешил радистке кричать по-русски при родах, не в гестапо. Никто не собирается тебя пытаться. Я тоже по-татарски понимать понимаю, но не разговариваю.

— Надоели с вопросом, кто я. Отвечаю, башкирка. Не верят. Для неверующих провозгласила направо и налево: баш-кир-ка! Сижу в Управлении федеральной миграционной службы, чтоб скоротать время, пересказываю собеседнице подноготную.

Во мне сильны бунтарские гены, скромностью не страдаю. Выгодно для человека и — о! как несравнимо выгоднее для его окружения — смиряться, но не смиряюсь. Бунтую. Первый бунт устроила, когда ушла мама. На Новый год наготовили еду, украсили комнату, надели красивые платья. Праздник начался! Мама вдруг пошатнулась, прилегла на диван, прикрыла глаза. Я испугалась, вызвала неотложку. Врачи возились с мамой минут двадцать. В середине возни мама открыла глаза, посмотрела мельком на врачей, перевела взгляд на меня, на мне взгляд не задержался, снова прикрыла глаза, отчетливо попросила: «Не мешайте уйти». Несколько минут спустя ушла бесповоротно.

Мама умерла в сорок пять в приступе сердечной недостаточности. Я долго злилась на маму, которая посмела оставить меня без матери. Бесполезно злиться на ушедшую маму, я перенесла нерастраченную злость на живых. На учителей, друзей, соседей, родственников, отца. На жизнь, которая рано истощила силы матери. Злость во мне вскипает до пены у рта, когда хам начинает негодовать, в этом её елей. Злость — это дуэль, без реакции того, на кого она направлена, быстро гаснет. Не знаю, зачем она мне нужна, но без злости не получается ставить на место жлобов. Это мой наркотик. Я не единственная в своем роде, нас миллионы.

По этой причине, в силу переизбытка злости, после похорон матери отказалась жить с дедом и бабкой. Буянила, ругалась, угрожала порезаться. Одолела стариков, они махнули рукой, предоставили полную свободу. Полгода жила одна в квартире по улице имени бунтаря Степана Разина. Днем, в школе, вела себя в рамках приличия, училась — странно — на хорошо и отлично. Вечером созывала компанию, бузили с

¹ «Цветок» (башк.).

пивом в руках. По выходным играла в бэтмена в юбке, занималась правосудием.

Подруга влюбилась в соседа, тридцатилетнего неженатого бизнесмена. Мужчина ноль внимания, фунт презрения на влюбленную дуреху. Я навела знакомых гопников на его квартиру; обчистили основательно. Гопников поймали, они меня сразу сдали. Сосед не стал писать заявление, в память о маме, которую, оказывается, уважал, а я, как он сказал, нет. Выпустили меня из милиции без последствий, продержав ночь в обезьяннике. Провести одну ночь там оказалось предостаточно, чтобы в дальнейшем чтить закон в любых обстоятельствах.

Не понимаю сейчас, как удалось повернуть, но через полгода после смерти мамы продала квартиру, поехала в Москву кутить. Покутила на славу. Купила на остатки денег темно-зеленую шелковую блузу, приличный шерстяной костюм для взрослых теток и в этом наряде вернулась к деду. Дед связался с сестрами отца. Сообща они постановили послать непослушное дитё к отцу в Андижан на перевоспитание.

Вавгусте выехала из Уфы. Приезжаю в Андижан, нахожу квартиру, открываю дверь: «Здрасте, я ваша дочка», — без приглашения прохожу внутрь. На меня набрасываются трое братьев, мал мала меньше, лезут, в прямом смысле слова, на голову. Я выдержала три дня под косым взглядом мачехи и игр с гиперактивными братьями. На четвертый день поставила папашу перед фактом, уезжаю в Ташкент к его сестре погостить.

У тетушки был санаторий: квартира в хорошем районе, рядом метро; сыр, колбаса и фрукты в холодильнике не переводятся. Никакого контроля, никакого упрека, никаких шалунов. Удобный диван, круглые сутки зомби-ящик. Утром тетушка, её двое взрослых детей уходят работать. Возвращается родственница с масляными глазами ближе к ночи. Я предоставлена сама себе.

Задержалась у нее на несколько месяцев. Изъездила город вдоль и поперек, завела подруг. Стала поклонницей балета. Мужского. Барышни тянутся к высокому искусству?

Бунтарской моей натуре теткин санаторий пришелся не по душе. Не нравилось, что родная по крови душа со мной не общается, неизвестно чем занимается. Хотелось, чтоб воспитывали, нотации читали. Меня не воспитывали, нотаций не читали. Любопытно разбирало, где проводит время моложавая эффектная женщина. Она не раскалывалась.

В один прекрасный вечер я собралась и ушла. Спокойная, как удав, тетка позвонила на третий день, буднично предупредила: «Будет трудно, возвращайся. Диван в твоём распоряжении». Я не вернулась. Криминальные и дефицитные девятые прожила у одиноких женщин подружкой, приживалкой, гувернанткой, сиделкой. Шальные годы пролетели мимо, никак не задев. Поступила в текстильный институт, проучилась год, бросила. Работала секретарем, лаборантом, завхозом, кассиром, наборщиком текста, поваром — ассистент при ком-то. Получила зеленый паспорт. Годы уходили за неделю.

— Обижена на маму, — говорю Альфие. — Не предупредила, что жизнь быстро проходит.

— Предупредила бы, что тогда? — вопрос задал мужик. К нашему с Альфией разговору прислушивались.

Вижу, хамоватый азиат готовится в обход очереди пробраться к инспектору. Уверенной поступью подошел к двери, отодвинул мужчину-лоха, норовит войти.

— Куда без очереди? — сурово спрашиваю пузатого.

— Я только узнать. Я быстро, — отвечает мужчина пятьдесят-плюс.

— Всем только спросить. В очередь, уважаемый.

— Только спрошу, пришел ответ или нет, — уважаемый не понял с первого раза.

«Только спрошу» в инстанциях длится не меньше пятнадцати-двадцати минут. Посчиталось само собой, если войдет, я не попаду на прием до перерыва. График приема в УФМС рваный: с 8.30 до 12.30, с 16.00 до 18.00. Завтра среда, не приемный день, инспектор везет документы в головной офис. Я теряю не два дня; мои документы уйдут в следующей партии. Отодвигаюсь на полмесяца, что не входит в мои планы.

— У себя на родине команду. Здесь не твоя территория. Не пропущу, живая очередь, — уверенно стращаю посетителя.

— Мусулмон кызымисан? — уважаемый переходит на узбекский язык, спрашивает, мусульманка ли я. Давит на солидарность. Не на ту напал:

— Езжай в Грозный. Мечети там шикарные, если тебе молиться — главное. Почему на «Ближний Восток» к толерантным башкирам приехал натурализоваться? — говорю не персонально ему, профилактически всей публике в коридоре. Жила у одинокой то ли кандидата, то ли доктора сложных наук, нахваталась малопонятных слов, жонглирую ими по ситуации. — Знаешь, что там не выживешь.

Уважаемый внимательно посмотрел на меня, оценил мои антропологические параметры как местные, принял за гражданку, за сопровождающее лицо при ком-то из очереди, предусмотрительно прекратил прения.

— Не стоило так грубо, — негромко делает замечание мне милая женщина, Альфия.

— Стоило. Пусть борзее где-нибудь в Кашкадарье. Не ташкентский, — комментирую, очередь вслушивается. — Ларечник, фруктами торгует. Сбежал от жены.

— Некрасиво без очереди лезть. Ты тоже некрасиво поступила. В трудные времена узбеки эшелонами людей принимали, работу дали, почет и уважение, кто честно трудился. Долг платежом красен. Теперь их черед приезжать. Приливы и отливы — это история.

Узбеки — дружелюбный народ, всех согрели, меня в том числе, признаю. Однако очередь одобрила мои маневры своими «правильно», «умный нашелся». В очереди обрадовались, нашелся цепной пес, который по-хозяйски следит за порядком. Не люблю хозяйничать, хамство не люблю еще больше. Вскипаю. Наглею. Начинаю ломать жлобов их же оружием.

Сидим, молчим, узбек исчез. Зато появился второй дядя далеко за пятьдесят, бесцеремонно занял позицию возле заветной двери. Не нравится дядя: солидный мужчина и с продуктовым пакетом? Посетители в бюрократических учреждениях сидят не с пакетами, с файлами; изучают, теребят, мнут бумаги, телефон насилюют. Дядечка сторожит дверь.

— Сейчас очередь вот этого мужчины, — подсакиваю к дядечке, некультурно указываю пальцем на очередника. — Войдете вне очереди, устрою скандал.

Подходит ко мне нервный молодой человек, переминался все утро на ногах, усидеть на одном месте не мог, сообщает преважную новость:

— Это глава армянской диаспоры!

Подумаешь?! Тоже человек. Холодно приказываю парню:

— Сиди ровно, дыши смирно.

Молодой человек оторопел, послушно отошел. Блатной товарищ достал телефон, сделал звонок. Открылась дверь, выглянула женщина-инспектор, говорит в пространство:

— Я его вызвала. Сейчас он пойдет.

— А как же мы? — воюю за честь всей команды.

— Приму всех сразу после двух, — и захлопнула дверь за господином с пакетом.

Отлегло от сердца, примет не по графику. Сидим без разговорчиков в строю. Через десять минут вышел глава армянской диаспоры, уже без пакета. Кажется, никто этого не заметил, кроме меня, мне больше всех надо. Что может быть в пакете криминального? Паленый коньяк? Жгучая армянская кровавая колбаса? Коробка конфет? Это не взятка, аванс, чтоб дама при исполнении была чуть внимательнее, чуть доброжелательнее, чуть подробнее объяснила, как заполнить формуляры нужному посетителю. Молодцы армяне, заботятся о своих.

Сидим, ждем, не расходимся. После главы армянской диаспоры в порядке очереди за дверью скрылся мужчина неопределенного возраста, не считываемой национальности. Делать нечего, болтаем дальше:

— Ближний Восток — это вроде Сирия, Ливан, — начинает с того места, где мы прервались, Альфия.

— Есть Дальний Восток, есть Ближний Восток, Башкирия. Я в нете читала, для Башкирии квота РВП почти в 4-5 раз больше, чем для соседей, поэтому Башкирия — Ближний Восток. Соседи — молодцы, предохраняются, превентивные меры принимают.

Хором очередь повернулась ко мне, даже дама в белых ботильонах взглянула с любопытством. Цифры взбудрили публику, большинство пришло именно за РВП, цифры задели всех за живое, кроме меня. Меня размер квоты не колышет, мне проставят штамп разрешения временного проживания по факту рождения здесь.

В этот момент отворилась дверь, вышел посетитель, следом инспектор, медленно закрыла кабинет на ключ, с папками в руках пошла по коридору, бросив: «Остальных приму после обеда». Услышала комментарии, которые я раздавала с утра? Клятвенно себе пообещала прикусить язык.

Обеденный перерыв переждали в узбекском кафе, маленьком и недорогом. Я купила чай, полпорции лагмана, Альфия выложила из сумки бутерброды, два зеленых яблока, один протянула мне. У нее диета. Она уколола палец, измерила уровень сахара в крови, освободилась от ремня на животе, набрала в тоненький шприц инсулин из флакона, подняла его вверх, чтобы сверить на свету, насколько правильно заполнила едва заметные деления на шприце, как вдруг ее руку сзади перехватил не совсем «свежий» мужчина. «Ширяйся не здесь», — испугал он Альфию, приготовился волочь бедную женщину к выходу. Посетители кафе закричали на охранника: «Кто наркотики в живот делает, это инсулин». Мужчина разжал пальцы, Альфия вырвала руку со спицей, уколола себя дрожащими руками в живот. «Извинитесь!» — я начала

входить в праведный гнев, Альфия остановила меня, с показной энергичностью принялась за бутерброд из ржаного хлеба с толстым ломтем сыра, попутно за рассказ, почему торчит в УФМС:

— Представить не можешь, как мне нужен вид на жительство, — следующая после РВП стадия; специальная книжечка, предпаспорт. Славная женщина, хамить ей тяжело, не понимает, всем в этой очереди позарез что-то да нужно. — С ним дают бесплатный инсулин. Я захватила запас на два-три месяца, — выдохнула. Не знала, что документы так долго получать. На вид на жительство уходит пятнадцать месяцев, в идеале, если все гладко. Женщина сглотнула ком в горле, влагу в орбите глаз удержала. — В поезде, от стресса, наверно, перед тем, как рухнуть в кому где-то в Казахстане, попросила соседей по купе вызвать проводников, сообщить моим, где меня сняли с поезда. Вещи в целости и сохранности доехали. Спасибо казахам из железнодорожной больницы, дорогие препараты не жалели, когда в сознание приходила, слышала, что мне капают. У родных шок: вещи доехали, меня нет. Брат поехал в Казахстан, забрал, привез сюда, в местную реанимацию поместил, медполис через банк оформил, денег врачу на руки дал, который после реанимации выхаживал. Врач перевел на хороший инсулин, при выписке подарил две шприц-ручки с левемиром и две с коротким инсулином, на три-четыре недели хватило, — Альфия прервалась от повествования, отпила прямо из горлышка маленького термоса чай короткими глотками. — Жена двоюродного брата работает в эндокринологическом кабинете в Татарии. Приезжала повидаться, удивила, они на учет мигрантов из Средней Азии ставят, выдают инсулин. Я бегом в здешнюю поликлинику, иностранцам не положено, говорят. Сноха надоумила, пиши в минздрав. Написала, через месяц вызвали в горздрав, отчитали, как провинившуюся школьницу. «Почему в Татарии дают?» — устала по кабинетам ходить, спрашиваю до неприличия прямо завгорздравом, озабоченного не здоровьем горожан, своим внешним видом, слишком молодой и холерный для этой должности. Он в лицо бумагу тычет: «На усмотрение лечебного учреждения». В Татарии положительно усматривают, здесь...

— Татарстан возникает, как прыщ на видном месте. Асфальт у них толще, бахил бесплатных больше, — не дала договорить, иначе расплечется, сахар подскочит. — Хай, пусть пассионарничают, все равно мы из одной кастрюли, — господи! Ты специально послал эту хрупкую женщину, чтобы я перестала себя, сироту казанскую, жалеть. — В итоге выдали в горздраве инсулин? — переключаю женщину.

— Нет. Покупаю, дарят, сноха снабжает, у которого истекает срок годности. Покупать дорого, я не работаю, после комы полная атрофия мышц была. Ходить училась: 8 шагов по комнате туда, 8 шагов обратно, отдых, снова по маршруту. Через два месяца прошла первую остановку. Рука не поднималась, малейшее движение нестерпимой болью отдавалось, кричала во весь голос, кетонал в бедро не помогал. В скорую помощь стеснялась звонить, возиться с нами, мигрантами, кому охота? Пошла в поликлинику на прием. Хирург говорит медсестре: «Экстренно оформляем в стационар», — медсестра тычет в компьютер, говорит шепотом: «Иностранка». Нечаянно дернулась, больно стрельнуло, заплакала в голос. Трясусь, достаю из сумки общероссийский медполис. Бесплезно. Ручка доктора замерла. Вернулась домой ни с чем. Ночью ни на секунду не уснула, утром отнесла колечки-сережки в ломбард, прокапалась в частной клинике, боли притупились.

Мы доели обед, не спеша направились в сторону УФМС. Во дворе управления на скамье сидит парень, по виду узбек, рвет сухой лаваш, пихает в рот, запивает апельсиновой фантой. Сердце съезжилось: «Братишка, да у тебя денег нет на горячий обед». А как помочь? У самой рубль на вес золота. Пришлось маску безразличия на лицо нацепить.

В коридоре возле нужной двери коллектив был в сборе: пожилая чета из Средней Азии, их дочь и сын; подчеркивая непричастность к потрепанной братии, дама в белых ботильонах сидела поодаль, уткнувшись в книгу; спокойный молодой армянин привычно маячил. Появились две «хохломы».

— Беженки из Украины, — доложила пожилая обузбеченная опай. На ней массивные золотые серьги, крепдешинный платок, широкое платье; на объявленном солнцем лице несмываемый загар, от постоянного прищура глазки сузились, спрятались глубоко, лишь озерно-синий их цвет выдает в ней репатриантку.

Украинки в коллектив не торопятся влиться, шепчутся меж собой. Толком никто не знает, чем беженец отличается от обычного мигранта; по коридорам управления вьется слушок, беженцам с регистрацией, работой органы содействуют. Прочий люд действует строго индивидуально и в высшей степени самостоятельно. Не рок, не гороскоп определяют, как сложится судьба мигранта, исключительно собственная расторопность.

В холл вошел «братишка», напряженно взирая на стенды, таблички. Симпатичен он своей робостью. Подошла к нему, заговорила, стало жалче. Парень приехал поко-

рять новые земли без надежных контактов, языка, денег. Подвела к нужному стенду, объяснила последовательность шагов. Чувствую, не догоняет, вырвала листок из блокнота, пиши, говорю. Парень записывает информацию латинскими буквами, не умеет писать на кириллице. Как он справится с предстоящими космическими нагрузками? Без конца втолковывала, одновременно записывая, где и как заполнять бегунок, где дешевле сдать анализы, в каком миграционном центре выписывают патенты. Слово «патент» написала с тремя восклицательными знаками: пока платишь в казну, государство не депортирует. До патента надо зарегистрироваться, в простонародье — прописаться. Слово «прописка» обвела жирной чертой, поставила впереди большущую единицу.

Суета возле стендов не понравилась даме в белых ботильонах, чуть ли не вслух фыркала. Остальная публика с сочувствием следила, как я натаскиваю парня. Назло ей продиктовала «братишке» номер своего мобильного: «Не стесняйся, звони, моя консультация денег не стоит», — и во всеуслышание обнадежила: «Тебе пахать и пахать, ты перспективный трудоспособный кадр, если все грамотно сделаешь, получишь паспорт». Не то что эта списанная на пенсию «балерина», которая только белые боты и имеет. С чувством исполненного долга вернулась к беседе с Альфией, спросила, на какой стадии её документы. В УФМС без острой нужды не ходят. Не театр.

— Подтверждаю русский язык. По диплому я историк, русский язык в университете не проходила, а в школьном аттестате написано «родной язык». Аттестат заполнен по-русски, я училась в русской школе, но это не имеет значения. «Родной язык» можно расшифровать по-разному, в этом загвоздка. Инспектор обещала уточнить, сдавать мне на сертификат или нет. Ксероксы дипломов в прошлый раз сдала. Сегодня велела прийти за ответом.

— А мой аттестат в Ташкенте, в текстильном институте пылится.

— Ты же местная. Если что, сдашь на сертификат, ничего страшного. Только тест 5600 стоит, — «успокоила» собеседница. — Экзамен сдается три раза, на разные уровни: перед РВП, перед видом на жительство, перед гражданством. Каждый раз по 5600 платить, заранее отложить деньги. Глава армянской диаспоры, наверное, по аналогичному вопросу приходил. В прошлый раз познакомилась с армянами, давно в России живут, перевезли престарелую мать к себе, она ни слова по-русски, они оббивают пороги, ищут выход, УФМС помочь не может, даже с деньгами выхода, говорят, нет. Если, — шепчет в ухо, — признали по бумагам, что владею русским языком, устрою вечером дома маленький сабантуй, съем пирожное.

Обменять СНГовский паспорт на российский оный тяжелее, чем предполагала. Кто надумал единую страну развалить?! Посадить бы их в этот коридор на несколько часов, поняли бы, почему фунт лиха. Взять, например, языковой сертификат. Понимаю, абсолютно цивилизованное требование — продемонстрировать знание русского языка, не английского или китайского. В соседний монастырь со своим уставом не пройдешь. Но как быть пожилым людям, приехавшим семейно соединиться, если русским не владеют или владеют недостаточно?

— Этническим россиянкам в любом случае дадут гражданство, без языкового сертификата — мое заявление было, скорее, самовнушением.

— Вопрос: как быстро, — реагирует Альфия. — Помрешь без гражданства, похоронить не смогут.

— Да, да, — вклинивается беспокойный молодой человек. Он немо участвовал в дискуссии. — Трюродного брата убили в Питере, там похоронить не смогли. В цинковом гробу на самолете домой повезли. Дорого.

— Слышала? — проснулся супруг пожилой обузбеченной тетки. До этого не проронил ни слова. — «Поедем к детям, поедем к детям, кто хоронить будет». Слышала? Без паспорта здесь не хоронят.

— Похороним, где выберешь, — сын хотел уговорить отца.

— Слышала? Заживо хоронит. Уеду к чертовой матери! Один буду жить. Пенсию буду получать. Дом, слава богу, не продали, — взглядом исподлобья опай пыталась усмирить супруга. Обзы вошел в раж: — Думаешь, суп не смогу сварить? Я всю жизнь рыбу за тебя чистил. Ловил, чистил, ты только жарила, — опай сжала губы, понимала, супруга не остановать. — На кого надеешься? На них? — широким шестом старик указал на сына, подпиравшего стенку, рука почти коснулась противоположной стены. — Они — лентяи, замороженную рыбу едят, забыли, что у рыб кишки бывают. Подумаешь, блинчики она печет. Обойдусь.

Очередь повеселела, слушая, как бранится дед, старательно приглушала улыбки, чтоб не раззадорить сильнее.

— Мои рубашки не стираешь, в машинку кидаешь, все пуговицы рвутся. Сам буду стирать. Курить она мне не разрешает. Курил, курю и буду курить!

Рослый старик, жена ему по локоть, бросил сыну «покурю», засеменял к выходу

мелкими шагами, которые не соотносились с высоким ростом. Увидев, как мы недоуменно смотрим ему вслед, пожилая женщина начала оправдывать мужа:

— С глазами совсем плохо. Дети давно здесь, мы всё откладывали, на дом цену не давали. В прошлом году оба заболели, говорю: «Умрем, некому будет похоронить». Ругался со мной постоянно: «На земле не останемся, закопают, с соседями договорюсь». Уезжать не хотел, плакал. Когда собака пропала, старая была, хорошая собака труп свой не показывает, согласился ехать, дочь билеты прислала. Я быстро привыкла, дети рядом, он не никак не привыкнет. Привык деньги в руках держать, здесь пенсии пока нет, он не любит просить у детей. Даст бог, скоро вид на жительство получим, дети насчет пенсии бегать начнут. Нормальная пенсия должна выйти, у нас советский стаж.

Дочь коснулась рукава матери, не жалуйся, мол. Опай замолчала. Наступила пауза. Нет новых тем, новых лиц. Народ заскучал. Я загрустила. Забавный старик с забавными претензиями: «рыбу жарила», «машинка стирала», «блинчики пекла», — приятно слушать, обзавидовалась прям. В Узбекистане, когда надоело шататься по подругам, сошла с мужчиной. В загс ходили. Муж грезил заработками в России, я потихоньку мебель, технику распродала. Договорились — продаем квартиру здесь, покупаем жилье там. Накануне отъезда заявляет, квартиру не продаем. Оглушил. Ничего не поделаешь, хозяин — барин, хата его. Кулак он, а кулаку есть что сжигать. А у меня только ветер в волосах. Мужик с воза, кобыле легче. Дикая я кобыла.

Стоп: эпитет «дикий» принадлежит по заслугам только ему. Мир восхищался «диким татаринном»; для несведущих татары, калмыки, башкиры — все едино, татаромонголы. (Так татары или монголы?)

Времена такие, самоопределения требует не только национальность, но и пол, возраст. Смотрю порой на мужчин, гадаю, мужчина ли он. Дело не в выщипанных бровях, дело в характере: скандалят, садятся на шею, денег заработать не умеют. Возраст женщин — им столько, сколько они себе начисляют. Сейчас важнее статус, счет в банке. Я хочу знать, кто я. Любовь к вольности у меня в крови, поэтому я — башкирка, хотя полукровка, как «он», как «она», как абсолютное большинство. Чист только холодный бриллиант. Люди, живые и разные, смешиваются. Веселее жить, когда боевая ничья.

Пытаюсь прижиться на той земле, где покоятся мама, дед, бабка. Списалась в соцсетях с соседом, ограбленным когда-то по моей наводке. Он великодушно, опять-таки в память о матери, гарантировал регистрацию у себя. Бизнес его отжали, он на остатки капитала построил дом, где я зарегистрировалась, нашел мне комнату в общежитии за две тысячи в месяц. Только и с этими всего двумя тысячами расстаюсь с тяжелым сердцем. Деньги тают на глазах, а думать о заработках пока рано. Сдать документы в УФМС — серьезная работа. С утра натошак бежишь анализы сдавать, из поликлиники к нотариусу перевод заверять. Везде нужны деньги, деньги, деньги. За анализы, за перевод, за госпошлину. Везде очередь, очередь, очередь. В поликлинике, в сбербанке, в адвокатуре. Они в разных частях города, мотаешься.

Сворачиваю рассуждалки. Альфия, наконец, исчезла за дверью. Подскакиваю к двери, шустренько занимаю пост добровольного охранника. Испокон веков заведено, если человек непосредственно перед тобой входит на прием к врачу, чиновнику, бухгалтеру — и так далее по списку, тебе следует поработать швейцаром возле кабинета. Хладнокровно выдержать последние минуты ожидания нет сил, нужны действия, разминка. Надо бдеть, чтобы лазутчики в обход очереди не пролезли, особенно если один из них расположился недалеко в засаде.

В коридоре показались дед-бунтарь и соотечественник, которого я не пустила «быстро спросить». Старик сел рядом с супругой, закинул ногу на ногу, обхватил скрещенными длинными пальцами колени, замер в этой позе, будто не он разыграл не далее как пятнадцать минут назад бурную сцену. Колоритный дядечка-азиат выхватил меня взглядом, понял, не пропущу, развернулся, присел к «братишке» скрасить с земляком время. Жду. Вопрос Альфии решился за пять минут и, видимо, положительно. Вышла от инспектора, вся светясь, забыла даже попрощаться.

Постучалась в дверь, дождалась «войдите», перешагнула порог. Русская матрешка с волосами и губами Мэрилин Монро ворошила кипу документов. Мэм высказала претензию касательно метрики о рождении, скороговоркой посоветовала выписать свидетельство о рождении нового образца, где была выписана прежняя метрика и где меня, ляльку, оприходовали как человека с ФИО. Перечить не стала, заменить — так заменить. Поблагодарила, вышла из кабинета. На фоне эпопеи с медицинским справками (ВИЧ, туберкулез, нарколог, прививки) выписать дубликат кажется мелочью. Разыщем, выпишем. Языковой сертификат, о котором предупреждала Альфия, мне не нужно сдавать как россиянке по рождению. В кабинет вошла пожилая чета в сопровождении детей.

Уставшая и довольная, побрела из коридора вон. На сегодня все. Картина

прояснилась. Работать начну. Гражданство не за горами, рядом. Думала, прием длился пять-десять минут, фактически, сверила по телефону, почти целый час, целых пятьдесят минут. Инспектору столько деталей надо узреть, столько подробностей разъяснить, хотя бы безучастно выслушать жизненный background каждого, мы же стараемся «растопить» чиновников, начинаем рассказать о себе от Адама и Евы. А нас, желающих обменять паспорта всех оттенков зеленого, синего, фиолетового на по-прежнему бардовый российский паспорт, много.

Эпизод 4. БЫЛЬ-СКАЗКА, КАК УТКУ НА ГУСЯ СМЕНИЛИ

Червь сомнения точит изнутри капитально: чем ближе свадьба, тем муторнее. Вчера было чистое небо, небольшой морозец. Сегодня свинцовые тучи захватили небо целиком, жмут к земле. Зреет буря. В душе штормит, срываюсь, перехожу на ор, еле-еле притормаживаю, чтоб не закатить истерику. Уже одиннадцать, никах в два, свадьба в шесть, езды от них до нас три часа по хорошей дороге, а Марат ещё не выходил на связь. Может, передумал? Отец бурчит. Мать изводит, позвони да позвони. Грубо огрызаюсь. На деле хочу зареветь в голос. Насильно выпила ковш холодной воды, чуть не подавилась, чтоб прилюдно не расплакаться. Забегает Булат, радостно сообщает:

— В курсе? МЧС предупреждает, буря идёт. Жених выехал?

Головы собравшихся на кухне многочисленных помощников мамы дружно поворачиваются в мою сторону, однако задать вопрос вслух никто не осмеливается. Я демонстративно медленно ушла в свою комнату, выгнала оттуда племянников, набрала Марата. Он вызов принял, начать ритуально: как дела, как прошел мальчишник, — нет времени, тараторю конкретно: «Выехали? Запас водки захватил? Деньги невесту выкупать? Детям конфеты раздавать?» Выпала вопросы, перевела дыхание, жду. Марат глухо откашлялся, собрался с духом, размеренно говорит:

— Думал, соскучилась. О деньгах переживаешь? Вчера пацанам девушки постоянно звонили, ревновали, скандалы закатывали. Ты ни разу не набрала меня. Обидно. Пил всю ночь. Ладно, проехали. Докладываю: мы возле Николаевки, водку захватили, сейчас будем пить. Потому что разворачиваемся, едем обратно. Свадьба отменяется.

Я во всю мощь легких крикнула: «Что-о-о?!» — аж стекла затряслись. Звон до Марата вряд ли долетел. Он сонно выкладывал потрясающую информацию дальше:

— С тобой жизни у меня не будет. Приспичило замуж, разработала проект, организовала кампанию, тетку подключила. Подразнила, пощекотала, поманила пальчиком, я лёг лапками кверху. Просчиталась. Я не щенок. Я тебя устраиваю, но ты меня не любишь.

— А ты меня? — не было секретом, Марат уступил напору родителей. Они уговорили жениться, так что он сделал предложение мне тоже не по причине большой любви. Претензию, почему вчера не позвонила, пропустила. Человек не оценил деликатность.

— Хороший вопрос. Я тебя тоже. Шапокляк, ты не в моем вкусе. Мне нравятся рыженькие, с пухлыми формами, которые видят меня таким, какой я есть. Вот ты сейчас разговариваешь со мной, будто я подчиненный, ты начальница, вызвала по селектор-ной связи, тумблеры переключаешь. Я не собираюсь всю жизнь сбоку простоять.

— С чьего бока?

— С твоего. Я не бесплатное приложение к тебе.

— Ты пьяный? — не просох от вчерашнего бодуна. Голова трещит, сушняк нестерпимый, а мама спозаранку гонит жениться. Кому понравится?

Марат не пьет, «выпивает по поводу», тётка видит в этой градации принципиальную разницу. Пить — не допускается, выпивать — позволено мужику за тридцать, по её мнению. Трезвым не обозвал бы меня Шапокляк. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Самостоятельно дойти до идеи отправить меня в отставку он не мог, факт. Хреновая мужская солидарность на пьяную бошку помогла сформулировать идею. Замечательно! Вовремя! Замуж за этого кретина? Детей от него рожать? Ни за что!

— Неважно, пьяный, не пьяный. «Гармошка» на тебя не настраивается.

Не дошло сразу, о чём он. Как дошло, захотелось убить. Он первым ударил, омерзительнее оскорбления не существует. Захотелось его убить, затоптать, задушить, кислотой облить; смотреть, как мясо отделяется от костей, резиной сползает к ногам и уходит вонючей жидкостью в землю. От видения полегало. Нашлись слова послать его куда подальше. Пообещала облить помоями, спустить собаку, если приедет:

— Як, в отличие от тебя, меня любит, за меня любому глотку перегрызет. Бывай, не чихай.

На том конце притихли. Я забыла отключиться, держу трубку в руке, слышу: «Вася, разворачивайся, домой едем гулять». Я нажала на отбой. Ну и дела! Полгода готовились позвонить, поспорились за пять минут. На кухне объявила «все нормально» и, не дав никому расспросить, спешно, с деловым выражением на лице ушла в баню.

Накануне попросила отца затопить старенькую черную баньку. Её ещё не разобрали, хотя построили новую. Новую соединили с домом теплым коридором, воду провели, к газу подключили. Мне ближе старая баня, низенькая, черная от сажи, дверь и пол скрипят, тусклое оконце едва пропускает свет, жар горчит чуть-чуть. Из благ цивилизации лампочка и шланг, которым наполняем баки. Укрыться, обдумать ситуацию, принять решение — черная баня подходит идеально.

Хрен с ним, что сбежал. Зачем обзывать? Да, нос у меня длинный, зато тонкий, в смысле — не расплющенный, и ноздри не раздуваются, как крылья летучей мыши, как у некоторых. В профиль нос нависает над губой крючком, но в анфас смотрюсь ничего. Когда успел рассмотреть профиль? Всю меня? Узкие плечи, узкие бедра, плоские груди, плоская попа — вылитая Шапокляк в молодости... или Анна Ахматова на портрете Альтмана, кто что видит. Давным-давно вырезала портрет, скотчем пригвоздила на дверь спальни с внутренней стороны. Пусть посетители определяются, на кого я похожа.

Представила величественную осанку поэтессы, гордую посадку головы. Невольно поднялся подбородок, распрямились плечи, королевской поступью вошла в парную. Парная дыхла жаром, вмиг перестала плакать, в парной невозможно плакать. Плеснула запаренной травками водой на камни, горячее пахучее облако окутало с головы до ног. Баня заполнилась белым туманом, в котором по взмаху волшебной палочки растворились неприятности получасовой давности. С остервенением похлестала себя веником, надраила тело жесткой мочалкой, обмазалась пахучим гелем, сполоснулась. В клубе густого пара вышла в предбанник. Там стоит цинковая ванна с запасом воды. Взяла ведро, зачерпнула студеной воды.

Подняла ведро над головой, набрала воздуха в легкие, открыла рот, заорала и опрокинула ведро ледяной воды на себя. Стою в потоке воды, ору, визжу, ловлю кайф. Восторг! Вот что такое баня по-чёрному. Опустила ведро, приятно накрыло слабостью, прилегла на скамью, прикрылась полотенцем, полежала. Открыла входную дверь настежь, она открывается с видом на огород, никто не увидит, встала в проёме подсыхать на холоде. Пока натиралась молочком, одевалась, пришло понимание, надо признаться отцу и вместо свадьбы праздновать побег жениха.

Марат годится в мужья для девушки не первой свежести. Мне тридцатник. Часто снится: рожаю, акушерки копошатся, последние потуги и, наконец, облегчаюсь, слышу пискливый крик младенца. Проснусь, обнаруживаю, цикл наступил. Организм настойчиво требует ребёнка, жаждет токсокоза, девятимесечного ощущения подвижного комочка внутри. Мечта прижать к груди ребенка потихоньку превращается в манию. Засыпаю, мерещится туго спеленатый кокон рядом в постели. Утром первая мысль: «Где он?» Ребенок нужен не ради безмятежной старости, ради воспроизведения лучшего от меня. Кое-что ценное, должно быть, есть и во мне.

Пафосный самообман, голое название которому человеческое тщеславие. Люди хотят сохранить кусочек себя (некоторые еще и наследство), через гены и воспитание передать кусочек себя будущему, то есть ребенок — это способ жить неизмеримо долго. Нам не хватает одной жизни, хотим жить ещё и ещё. Заодно с кусочком от себя хотим сохранить и память, какими были хорошими-прехорошими. Лишь ранняя смерть нетщеславна. Незапланированное рождение детей честнее. Незапланированные — не значит нелюбимые. Любимые все. Своих заранее люблю. До сегодняшнего утра была уверена, создам крепкую семью, воспитаю талантливых детей, муж попадетс наидостойнейший. Попался жених ни хороший, ни плохой — неплохой. Денег не умеет копить, что терпимо, не самая опасная для совместной жизни черта. Не злоупотребляет, травкой не балуется, не гуляет, не бездельник, не безобразен.

— Положительные характеристики с «не» начинаются, — сказала я тётке, агитировавшей в пользу Марата. — Не спорю, кандидат подходящий, но... Давай про его «но» рассказывай.

Запустила в обиход крылатое выражение: «теперь про «но» рассказывай» мама. Усядутся женщины обсудить женихов-невест, мама обрывает словоохотливых женщин: «Поняли, жених хорош. Теперь про его «но» рассказывай». Не бывает людей без «но».

— У него нет «но», — безапелляционно заявила Муниса опа.

Марат — мистер без «но»? Лично у меня завались «но». Правдорубка, режу правду-матку в глаза. Кому она нужна? Вкусно пеку, но редко. Курю, не крашусь, седые волосы нагло лезут. В перспективе мадонна с младенцем на руках, с сединою на висках. Мадонны на фресках не просто молодые, они юные. Гениев рожают молоденькие, до 23-х. Меня в роддоме будут старой первородкой обзывать. Не уродина, стерва в меру, аккуратистка в быту, но замуж не брали.

Первая большая любовь, сокурсник, не созрел до предложения руки и сердца, тормозил потому что. Я ещё не умела провоцировать мужчин на серьезные отношения.

На банкете после вручения диплома расстались молча. Глазами высказала в его бесстыжие синие глаза: «Ты мне нравился всегда». Сколько я потом вспоминала его?! С коллегами не заладилось, тупые попадались. Первая моя любовь тоже тупой, но ему прощается. Обаятельный, ладный и фактурный, правдоподобно врёт не ради выгоды, ради самого процесса, воображение у него богатое, — артист, словом. Позже узнала, не срослось у него ни с работой, ни с семьёй. Надо было нам сойтись. Он уже во время учебы не отказывался пропустить стаканчик-другой. Сейчас пьёт баклажками. Жить с ним я б начала, может быть, но не стала б терпеть пьянки. В бессонницу подкрадывается мысль, может, со мной он бы не запил? Утром трезвею, говорю себе, заблуждаешься на свой счёт.

На работе перманентные сокращения, попала под увольнение. От безделья размножаю сомнения. Сомнения — полбеда. У меня бзик на представлении, что ребёнок должен родиться в полноценной семье, где у него единственная мама и законный папа. Мама давно предлагает: «Роди, пока хожу, помогу поднять». Подруги издеваются: «Сначала загс, потом дети — в прошлом. Сейчас сначала беременность, потом статус жены. Так надёжнее, не надо от бесплодия лечиться».

Парни, которых отец нанял отремонтировать кое-что в доме перед свадьбой, зудели, официальная регистрация — опасная штука: «Друг вкалывал, вкалывал, купил квартиру, оформил на жену, дачу на тещу. Решил развестись, ему сообщают, у него ничего нет. Пошел в загс — пропали твои квадратные метры, нажитые непосильным трудом. А алименты? Вдруг ребенок не твой? Вдруг потерял работу, а тут судебные приставы без приглашения нагрянули?» Мужчины боятся официального брака. У меня, повторяю, бзик выйти замуж по старинке. Я против доводов против.

Ждала, ждала суженного до прошлого лета, поняла, надо действовать. Не просто решила действовать, начала действовать. «Действовать» стало девизом с недавних пор. Увижу накидку, размечтаюсь вслух: «Вот бы связать», — мать рядом: «Свяжи». «Хочу пальто с настоящим мехом», — мать: «Купи». «Зачем только народ ездит в Египет», — мать: «Съезди». В ответ на мои утопии звучат короткие глаголы повелительного наклонения. Однажды мама длинно оборвала мои волеизъявления: «Полгода слышу про изумруды, нет денег, возьми кредит, кредит выплатишь, серьги останутся».

На следующее утро заняла денег у знакомой, купила комплект, который давно хотела. Несколько дней любовалась покупкой. Так в течение некоторого времени шаг за шагом реализовывала накопившиеся желания типа поездки на курорт, покупки шубы. Возникли небольшие отклонения от оригинала в голове: голубая норка превратилась в серый мутон, натуральные изумруды в хризопраз, а курорт в озеро у тётки в деревне.

Летом гостила у Муниса опы. Родичи негласно вручили миссию опеки над пожилой женщиной мне, незамужней и бездетной, поэтому беззаботной с их точки зрения. Так что от отца мне достались фамилия, зеленые глаза и тётка с астмой. Заполучила и я астму в списке семейного наследства. Нет худа без добра. Удобно сослаться на астму, оправдываясь, почему курю. Трудно опровергнуть железный аргумент, что в сигареты и в противоастматические пшикалки те же эфирные смолы входят. Привираю, конечно. Курю не в медицинских целях. Сигарета расслабляет, когда необходимо.

Тётка — моя подопечная или я её? Она привыкла вмешиваться в личную жизнь племянников. Я особая её головная боль. Стыдно, по мнению тётки, если в тридцать лет ни детей, ни плетей, ни воза. Да, машины собственной тоже нет, хотя отцовскую возу с 13-ти лет.

В очередной визит не успели выпить чаю с дороги, как Муниса опа выпалила план выдачи меня замуж. От нетерпения даже обожглась чаем, когда сообщила животрепещущую новость: «У Назаровых сын бросил вахтовать, родители хотят женить, чтобы крепче удержать. Мотался среди белых медведей, что нажил? Позвоночную грыжу только. Ни денег, ни дома, ни жены. Ты с Маратом идеальная пара. Его мать приходила на днях советоваться, кого рекомендовать сыну. Я тебя в список внесла».

Тётка отошла залить новую порцию кипятка в заварник. Между делом взглянула на меня, проверяя, адекватно ли я отнеслась к новости. Я спокойно отнеслась к известию, что из уникальной невесты переведена родной тёткой в разряд потенциальных кандидатов. Кастинг, так кастинг, диагноз выставлен.

Кастинг готовился основательно. У Назаровых овца принесла двух ягнят, беленького и чёрненького, девочку и мальчика. Назвали их «Пугачева» и «Галкин». Надо было — Лиза и Гарри, но меня не спросили. Назаров-старший определил судьбу ягнят в момент их появления на свет: «Вернётся Марат, на шашлык отдам». Сын вернулся, на субботу назначили курьян чай для стариков и молодежный пикник на природе. Тётка попросила испечь фирменный маковый рулет и пахлаву. Провозилась подноя, но стоило: выпечка получилась выставочной по красоте и вкусу. Пошли к Назаровым, разрезали пироги, помогли с сервировкой стола.

Кулинарный тур я прошла успешнее других кандидаток. Их не просили испечь. В обед старшее поколение уселось за угощение. Молодежь, погрузив провизию и гостей на четыре машины, выехала на озеро. На берегу мужчины разложили одеяла, распаковали еду, разожгли мангал.

Второй тур кастинга — обнажёнка. Девушки в бикини вошли в озеро. Через минуту я выползла из воды, трясясь, как папуаска в танце. Я не папуаска, поэтому чихала я на обнажёнку, содрала из-под Марата плед, укуталась в него, уселась возле мангала наблюдать за происходящим. Мужчины колдовали над мясом: нежнейшее филе, ароматные пряности, румяные овощи, липовый дымок. Девушки, по пояс в воде, визжали.

Марат сел рядом. Первыми его словами были: «Ты что такая худая? Рёбра можно пересчитать». Не поняла, худоба достоинство или недостаток, но поддержала диалог искренне, иначе не умею. Знакомство состоялось. Позже встречались с ним на нейтральной территории, часами болтали по ватсапу. Осенью его родители приезжали свататься. Сообща назначили день свадьбы на конец декабря. Совместили свадебное торжество с новогодними каникулами, чтобы погулять на славу. Первый день у невесты, второй у жениха. Третий день опохмелиться, проводить дальних родственников. И вдруг сегодня разворот на 180 градусов. Обалдеть! Сшить платье, наготовить тонны еды, составить культурную программу, пригласить гостей, а свадьбе не бывать?!

Вышла из бани, небо разродилось густым снегопадом: ткёт мелкими, наискосок, стёжками плотную белую пелену, сухие кристаллики снега больно колют лицо. Вижу Яка. Як не буйвол, кавказская овчарка, большой кобель, заросший шерстью, поэтому кличем Яком. Пёс купается в снегу: зарывается, ерзает на спине, вскакивает, бросается в пробежки, опять валится в снег. Пару минут медитировала, созерцая, как радуется снегу собака. Едва заметив, псина примчалась ко мне, приготовилась запрыгнуть на плечи, зацеловать. Норовит лизнуть, стоит появиться во дворе. Отпрянула в сторону, некогда ласкаться, лишь пожала лапу верному мне рыцарю.

Оба любим снегопад. Я раньше огорчалась, если в чью-то свадьбу выпадали осадки, бабушка утешала: «Девочка моя, дождь, снег — хорошая примета, брак сложится». В день моей свадьбы идёт обильный снег. У меня все сложится. Осталось найти того, пока не знаю как, за кого я выхожу замуж. Прошла в дом, вызвала отца в новый предбанник, подальше от любопытных ушей:

— Марат не приедет. Развернулся, поехал назад, — отец выразительно молчал, требуя объяснений. Пришлось добавить ярких красок в защиту себя. У отца привычка обвинять собственных детей, никак не вторую сторону конфликта. — Сказал, что я им командую...

Отец заговорил внешне безразлично:

— Спала с ним?

Родному отцу смертельно неудобно отвечать на подобный вопрос, каким бы, утвердительным или отрицательным, ответ ни был. Отец понял, вопрос не повторил.

— Объявим гостям, Марат в аварию попал, бровь рассек, рвота открылась, в больницу поехали зашивать. Будем гулять без него, столы накрыты, — это был мой план спасения торжества. А там видно будет.

— Плясать на костях предлагаешь? Радоваться аварии? — отец взял небольшую паузу. После паузы изложил свой план: — Срочно ищем замену. Соседи век будут мусолить по всему району наш позор. Стыд и срам: жених сбежал. Не допущу, чтобы моя семья стала посмешищем. Это хорошо, что сбежал. Выйдешь за местного. Нечего далеко замуж идти, живи рядом. Ты нам, мы тебе прибежим на помощь, — он уговаривал скорее себя. Отец курил, я молчала, время бежало. — Слушай внимательно: раньше приводили невесту к жениху, читали никах, пара начинала жить. Твою прабабушку привели к вдовцу, их поженили, мой папа родился. Приведу парня, выйдешь за него.

— За первого встречного? Как в сказке? За Ивана-дурачка? — меня предложение папы рассмешило.

— Сказки — умные. От хороших невест женихи не сбегают. Капризничать меньше будешь. Муж — не папа, терпеть не будет. Это было, есть и будет. В крайнем случае, разведетесь.

— Я не вдова за первого встречного замуж выходить.

— Как у вас там говорится? — отец напряженно вспоминал, вспомнил: — Слабо выйти замуж...

Не успел папа договорить, открывается дверь, входит Булат Юлаев, сменщик папы на фуре. Я непроизвольно прыснула. Вырос в Таджикистане, приехал сюда к родственникам, мать его родом отсюда, гражданство оформляет. Булат отчитался отцу, что поручение выполнил, протянул чеки. Отец взял чеки, усадил Булата на лавку, сел напротив:

— Булат, тут такое дело. Жених не приедет, позвонил. Выручи. Сядь на место

жениха на свадьбе. Марата не видели в посёлке, не заметят подмену. Гостям, в принципе, всё равно, им только отгулять.

— Зия обы, сыграть жениха на свадьбе — без проблем, но без никаха.

— Боишься никаха? Не бойся. Мулла почитает молитву, и всё. Хочешь — верь, хочешь — не верь. Просто традиция предков.

— Если буду жениться, то с никахом. А так, не знаю даже...

— Слабо на никах с ней пойти? — задал отец вопрос на засышку.

Что касается меня, я не верю, что никах скрепляет брак. Прочность брака зависит от желания обоих сохранить брак, не от традиций. Выходцы из Средней Азии больше, чем мы, верят в подобное. Переубеждать Булата было некогда. Думает, никах скрепляет брак, пусть думает. Надо спасать репутацию родителей, поучаствовать в спектакле, в противном случае мама сляжет, отец вечно пилить будет. Легко отделаюсь, если «сыграем» в свадьбу. А то действительно стану местной достопримечательностью, на которую указывают пальцем. Тогда точно останусь одна. В город перебираться неохота, поздно по съёмным квартирам мотаться.

Отец стал ходить из угла в угол, предбанник просторный. Я молчала. Булат задумался, уставившись в пол. Прошло несколько томительных минут. Наконец встает Булат, отец останавливается. Протягивает руку отцу: «Согласен». Оба поворачиваются ко мне с довольными рожами, как коты, которым перепало свежих сливок. Вместо восхищения я порчу момент мужского триумфа: «А меня спросили? Может, я его не люблю». Булат вытаращил глазищи на меня. Отец отреагировал мгновенно: «Соображаешь, что говоришь? Урдак бериш, коз олдын¹. Надежный парень берет замуж. Я его знаю, Марата — нет. Радуйся, что все обошлось. Выпендриваешься. Стыдно должно быть. Мужчине любовь не нужна; не изменяет, семью обеспечивает, хороший папа — вот вся любовь. Любви не хватает? Люби, никто не запрещает, люби мужа, я только за. У всех на свадьбе любовь кончается, у тебя со свадьбы начнётся. Разговор окончен. Дочку выдашь замуж, как захочешь. Пока я твой папа, я решаю, как выдам дочь замуж».

Мужчины перешептывались. Я пошла в свою комнату, вытащила из пакета с приданным жениха, собранный из непонятно каких побуждений, принесла в предбанник, вручила Булату. Он заглянул внутрь, смущенно улыбнулся. Там лежали шелковые носки, нижнее бельё из тонкого трикотажа, кипельно белая хрустящая рубашка, однотонный серо-голубой галстук, туалетная вода с мускусом. Неравнодушная я к этому аромату.

— У меня есть ненадёванные классические брюки, мама заставила купить перед отъездом, сказала, пригодятся. Их надену, костюма нет. Женихи без костюма бывают?

— Бывают. Главное, галстук и букет. Букет сейчас принесу, — я собралась идти в дом, отец опередил, прошёл в дом раньше меня.

— Стой, подожди. Не переживай, всё будет окей, — Булат схватил за локти, наклонился, прошептал: — Не бойся, насильно брать не буду. Ничего не бойся, я рядом, — он смотрел мне не в глаза, куда-то дальше. — Не поняла разве, я согласился жениться не из-за папы. Ты мне нравишься. Помнишь, как мы в первый раз увиделись? Летом, ты в шортах и в майке, в модных очках, загорелая, ножки стройные, возилась в огороде. Прошла мимо, сняла очки, поздоровалась. У тебя неожиданные глаза. Не встречал смуглянок со светлыми глазами. Наверное, колдунья. Ох, долго ты меня игнорировала, — я потеряла дар речи. Кажется, влюбилась, услышав про свои неожиданные глаза. — Не переживай, ничего не бойся, — чуть-чуть коснулся губами моей щеки. — Пора бежать, свидетеля найти. Во сколько придет мулла?

Сказали бы раньше, что можно потерять жениха, обрести другого в течение полутора часа, не поверила бы. Свадьбу помню смутно, суета и шум на голодный желудок, с утра не присела поесть, мешали внимать калейдоскопу поздравлений. Помню хорошо одно: мы нарядные сели за стол, Булат взял мою руку, прижал своей ладонью к себе на бедро, не отпуская ни на минуту всё торжество. Как тут покушаешь?

Эпизод 5. ВОРОВКА

Женщина и мальчишка высадились из маршрутки на перекрестке Продольной и Поперечной улиц у почты, рядом местный универмаг. Продуктовых лавочек в деревне три, эта почиталась за торговый центр; деревенские новости сходятся и расходятся из этого ТЦ. Женщина и мальчик поспешили свернуть на Продольную улицу, дабы как можно меньше глаз успели лицезреть их. Им надо пройти по Продольной десятка три домов с обеих сторон. В каждом кто-то да окажется у окна. Родная изба почти в конце улицы, загибающейся запятой к речке.

Повернув на Продольную, женщина и мальчик прошли первое подворье, второе.

¹ Татарская поговорка: «Отдав утку, получила гуся»; иначе - выгодный обмен.

На третьей избе Эльвира привычно повернула голову влево поприветствовать родственников. Окна горницы смотрели на улицу, дядька с теткой частенько наблюдали жизнь через окно. Что ещё старикам делать? Высматривать своих и чужих гостей. Не останавливаясь, женщина поклонилась дядьке. Их поприветствовали в ответ. Эльвире почудилось, не особо приветливо.

Опять додумываешь, кивнули, достаточно, не смей домысливать в неприятном ключе, вспомнила она повеление закадычной подруги. Подчинилась, для верности помотала головой, прогоняя мысли. Она не черноликая какая-нибудь голову не подымать. Не помогло. Настроение пожухло. Усилием воли выпрямила спину, надела улыбку на лицо, ускорила шаг, стараясь смотреть на 4 метра вперед. Через минуту виноватость вновь одержала верх. Оставшуюся часть пути шла, не отрывая глаз с грунтовок, сухо отвечая на устные приветствия, если кто окликал.

— Да брось ты! Нашла, о чём жалеть. Найдётся лучше, — оценивала Ирка Эльвирины жизненные вызовы.

Как-то Эльвира шла по торговому центру, изучая витрины. Обратила внимание на брючный костюм на манекене. Выручит и в пир, и в мир, если менять топы. Смело вошла в отдел. Навстречу выдвигается продавец.

— Сколько этот? — Показала на понравившийся брючный костюм.

— 18.

— С жилетом? — продавец не ответила. Уловка не удалась. — Жилета нет? — Эльвира начала «присматриваться» к другим костюмам. — Жаль. Мне нужен был с жилетом.

— Вам не сюда. Мы брендовый бутик, у нас дорого. Вам в сетевые магазины.

Эльвира пулей к выходу.

— Представляешь, вычислила, что мне не по карману, — поделилась она своим позором с Ирккой по мобильному, как только покинула ТЦ.

— Да брось ты! На ней костюм за сколько? Руку даю на отсечение, не за 18.

— В водолажке была, в юбке.

— А я о чём? Богатые женщины продавщицами не работают. Не переживай. В «Вайлберисе» подберём такой же за полцены, никто не догадается.

— Я бедно смотрюсь? Только честно!

— Прилично смотришься, временами — люкс. Сколько тебе повторять? Главное не что, а как носить. Ты не бедной, пришибленной смотришься. Глаза постоянно в пол. Ты что, виновата в чём-то? Смотри на 4 метра вперед.

— Почему на 4?

— Не помню, где-то прочитала.

— А-а-а, я-то думала, это по науке. Я под ноги всегда смотрю, споткнётся ещё.

— Смотри на 4 метра вперед. Голову не опускай. Ты свободная девушка с ребёнком.

— «Девушка» с ребёнком?

— Если нет рядом мужика, женщина — свободная девушка, с ребёнком или без.

В отличие от Эльвиры, Ира смотрелась в любом наряде органично, хотя одевалась в секунд-хенде. Выудит из б/у завалов вещицу, почистит-подлатает-подошьёт, и превращается та в стильную штучку. Иркина благородная, цвета жжённого кирпича замшевая куртка с историей (чуть потрепаны обшлага) сразила Эльвиру наповал. Она выбралась на разведку в секунд-хенд. Ей понравилась овальная скатерть, почти новая, с небольшим пятном, которое не каждый заметит. Эльвира «накрыла» скатертью свой обеденный стол. Идеально по размеру, цвету. «Увидела», как не её, немецкая семья собралась за трапезой, что-то пьют, едят, обсуждают. Из-за картинки чужой жизни купить скатерть не смогла. Как не смогла примерить чужого мужа на себя.

— Да брось ты, — произнесла она резко. Сын испугался, зажал кулёк: тут ещё много осталось: мать в дорогу купила ему большой пакет луковых чипсов, которые он обожал, кулёк с которыми держал в руке. — Это я не тебе.

Сын не стал уточнять, кому. Они почти дошли до третьего с конца деревни дома. Отворили калитку и сразу попали в рай. Если и существует рай, то он в отчем доме. В его стенах можно полакомиться, покапризничать, поспать и поохать вдосталь. Услышав знакомые запахи, увидев родные лица, Эльвира мгновенно вернулась в прежнюю себя, говорливую, беззаботную девчонку. Посыпались новости с обеих сторон, раздача гостинцев, скорый сбор стола.

— Кызым, почему не сделала звонок? Отец с утра караулит. На машине доvez бы.

— Да мы быстро дошли. Давно я пешком по нашей улице не ходила.

Чаепитие с маминой выпечкой растянулось до ужина. Поужинали домашней лапшой. Новости не кончались. Говорили параллельно героям сериала, который смотрела мать, «не то артисты обидятся». Больных тем не касались. Наговорившись, расположились спать во втором часу.

Эльвира провалялась бы в постели до обеда, но на завтра был назначен сход односельчан. Поговаривали, районные власти «попросили» местного фермера спонсировать мероприятие, а они уладят его налоговые прегрешения. Фермер просьбе внял. Дал объявление по радио, в районной газете. Директор школы составил культурную программу, бросил клич среди баб напечь блинов, баурсаков. Праздник организован.

В двух километрах от деревни на красивой поляне, где раньше стояли улья колхозного пчеловода, подручные фермера соорудили сцену, навесы, столы. У ручья установили большой казан. Народ начал стекаться к поляне с утра. Фермер краткой речью открыл праздник ровно в 12. Его засыпали благодарностями, что собрал односельчан. Те прилетели на встречу с севера, из Москвы, из менее известных, но не менее далёких мест.

Птицы посвистывают. Ветер разгоняет духоту. Разноцветье ублажает глаз. Людские эмоции льются через край. Как на светском рауте, народ ходил по кругу, сердечно кланяясь, искренне обнимаясь, восторженно распрощивая знакомых. Эльвира столкнулась с кучкой одноклассников. Обрадовалась, среди них не было Дениса.

Их отношения завязались год назад, когда они встретились на 10-й годовщине окончания школы, отметить которую взбрело в голову неутомимой Резедушке. Она оповестила класс в соцсетях, раздала поручения, пригрозила бойкотом тем, кто не приедет. На вечеринке горящие взгляды Эльвиры и Дениса упорно пересекались. Они поняли, что нравятся друг другу до сих пор. В школьные годы Эльвира стеснялась своей влюбленности. Денис тоже не проявлял открыто симпатию. На вечеринку она пришла в статусе только что разведённой. И он был один, жена на сносях осталась дома. Между ними отношения завертелись в стремительном темпе.

В их деревне девушкам на выданье, парням, которым невтерпёж жениться, из уст в уста пересказывают историю любви Шамиля. Влюбился он в сокурсницу. Поход мамыши в университет втайне от сына обернулся бедой. Преподавательская молва припечатала потенциальную свекровь к стенке: вертихвостка эта Зуля, не пара простаку Шамилю. Родители однозначно высказались против брака сына. Тот стрелялся по весне, перед завершением учёбы, узнав, что Зуля собирается в Питер. Стрелялся неудачно, поранился не смертельно, рану зашили. К выписке из больницы родители приготовили свадьбу по всем канонам. Через полтора года Шамиль и Зуля развелись. Ребёнок родился вне семьи.

Эльвира не раз слышала об этой драме, не уступающей по накалу шекспировской. Урок усвоила крепко: брак по горячей страсти недолговечен. Доказательства? Читайте классику всемирной литературы. И вообще, кто знает, что такое настоящая любовь? На ромашке она не гадала, любит или не любит Васю. Захотела, вышла замуж. Сверстницы высказывали замуж, подумала, чем она хуже? Васёк красиво ухаживал, оказался умелым в интиме. Открытый, не драчливый, зарабатывающий — идеальный тормыш иптэши¹.

Высох медовый период, Вася начал её раздражать. Забеременела, раздражал тройне: громко чихает, чавкает при еде, гогочет по телефону с друзьями, сутками пропадает на рыбалке. Докучает заботой, ей казалось, переигрывает. Только милота сына удерживала молодых от разрыва. Со временем нелюбовь к мужу переросла в разъедающую душу токсичность, от которой страдали сын, муж, сама Эльвира. По совету Иры, она свернула проект под названием «семья с Васей».

При разводе Васёк оказался молодцом, ради сына взял выплату ипотеки на себя. Эльвира не подала на алименты. Ей это было выгодно: она с сыном не съезжает, квартира не делится. Ребёнку без алиментов достаточно перепадало благ от отца, бабушек-дедушек, дядь-тётъ. Вопрос, где встречаться с Денисом, тоже отпал. В дни свиданий сын гостил у Иры.

Денис жил далеко, 2,5 часа на самолете. Регулярно приезжал на сессию или проведать родителей. Окончив механический факультет, устроился работать инженером-электриком. Начальство требовало диплом по специальности, Денис пошел на второе высшее образование. Эльвира помогала ему учиться на заочном, задания по английскому языку делала за него. Редкими вечерами, поэтому Денис не успевал надоесть Эльвире, они ублажали друг друга. По утрам Эльвира кормила Дениса сытным завтраком под аккомпанемент разговоров исповедального характера: она негодная женщина, отбирает мужа у другой женщины, они совершают блуд.

- Блуд? Мы по согласию, разве не так? Ну, если это тебе важно, я люблю тебя.
- А её?
- Обязательно.
- Одновременно?

¹ «Друг по жизни», супруг (мам.).

– У меня получается.
– Любить двоих сразу – расстройство психики.
– Лучше скажи: «развратник».
– Кто тебя знает? Иметь двоих сразу можно, если попеременно. Но любить двоих? Одновременно? Не пудри мозги!
– Это ты выносишь мозг. Нас трое в семье детей, родители любят нас одинаково.
– Жена не ребёнок. Она половинка.
– Поверь, когда я с тобой, люблю тебя. Поеду туда – люблю ее.
Денис то обрывал диалог, хлопнув дверью, то глушил претензии лаской, шуткой, переключался на житейские проблемы. В очередном свидании обрадовал:

– Прекращаем блуд. Беру тебя в жены по никаху.
– То есть?
– Мне один хазрат посоветовал жениться по никаху.
– Аха! Прочитали молитву, и всё, женаты. Так бессчётное количество раз можно жениться!
– Тебе не угодишь. Не хочешь – не надо. Заруби себе на носу: семью я не оставлю. Мой отец меня не бросал. И я не брошу своих детей.

Слова Дениса резанули по больному. Та женщина и ребёнок – семья, Эльвира и ее сын – нет. Она для тактильных удовольствий. По сути, по её инициативе Вася оставил сына без отца. Для Дениса тамошний ребёнок в приоритете. Васькин сын был и останется для него чужим. Если даже родит от Дениса, ребенок не будет ровней тамошнему сыну. Того он будет любить больше.

– Оно тебе надо? – подытожила нытьё Эльвиры Ира.

– Что?

– Арабо-израильский конфликт?

Эльвира встала на паузу. Собираясь на сходку односельчан, Эльвира молилась об одном: чтоб там его не было. Боялась, если увидит, даст понять, что соскучилась. А он холодно проигнорирует. Или выльет ушат обвинений на глазах у односельчан. На празднике её ждало напряжение вместо душевного отдохновения. Но праздник сложился как нельзя лучше. Приятная суматоха продолжилась дома. Уехала она из деревни в хорошем расположении духа.

Эльвирина начальница слыла продвинутой дамой, для поддержания имиджа проводила регулярные вылазки в очаги культуры за счёт организации. Так они попали на «Черноликые» Мажита Гафури. В деревне Эльвиры лучшими Галимэ и Закиром¹ народ выбрал Зуваржат и Зуфара. Об игре самодеятельных артистов, играли они в послевоенные годы, до сих пор вспоминают старики. В клубе был полный аншлаг на спектаклях с их участием. Деревня ликовала, когда артисты поженились. Пьеса звучала не так печально: любовь книжных Галимэ, Закира довела всамделишных Зуваржат, Зуфара до свадьбы.

У молодых жизнь потекла своим чередом. До поры до времени. Председатель сельсовета, местный главенствующий деспот, отомстил красавице Зуваржат. Она не оставляла надежды его домогательствам. Это были голодные годы, еды не хватало, Зуваржат с дочкой на руках, возвращаясь из соседней деревни, по дороге набила карман камзола колосьями пшеницы. Глава сельсовета видел, как она подбирает остатки урожая, остановился, нащупал тугой карман, заставил сесть в бричку, повёз в районную милицию. Женщина и грудной ребёнок переночевали в КПЗ. Наутро их выпустили. Фронтовик Зуфар добился отмены ареста. В тот же день Зуваржат и Зуфар исчезли из деревни.

Эльвира смотрела спектакль предвзято, следила только за эмоциями главных героев. Почему Галимэ и Закир, как Зуваржат и Зуфар, не сбежали из деревни? Потому, что оба простодушные и чистые. Актеры не «слышали» крик её души. Любят ли они друг друга на самом деле? Актеры не обязаны любить партнеров, договаривают, иногда ненавидят друг друга, главное для них сыграть любовь. Как можно играть любовь, если её нет? Есть у неё любовь к Денису? У него к ней? Эльвира теперь не сомневалась, у них нелюбовь. Она просто воровка. Собралась украсть отца у малыша, мужа у женщины.

После спектакля Эльвира не вызвала такси. Села в автобус, вышла за три остановки, процокала на высоких каблуках до родного подъезда. Перед сном на неё нахлынули слезы. До боли жаль было себя: другие женщины вступают в отношения с женатыми мужчинами, и ничего, она же извелась за неполный год случайных ночёвок с Денисом. Теперь спать, приказала она себе, светает, завтра настанет день, где нет места воровству, тайным связям, нелюбви. Без Дениса она не пропадёт. Как утверждает Ирка, ни одна женщина с ребёнком не пропадёт, если того сама не захочет.

¹ Главные персонажи книги.